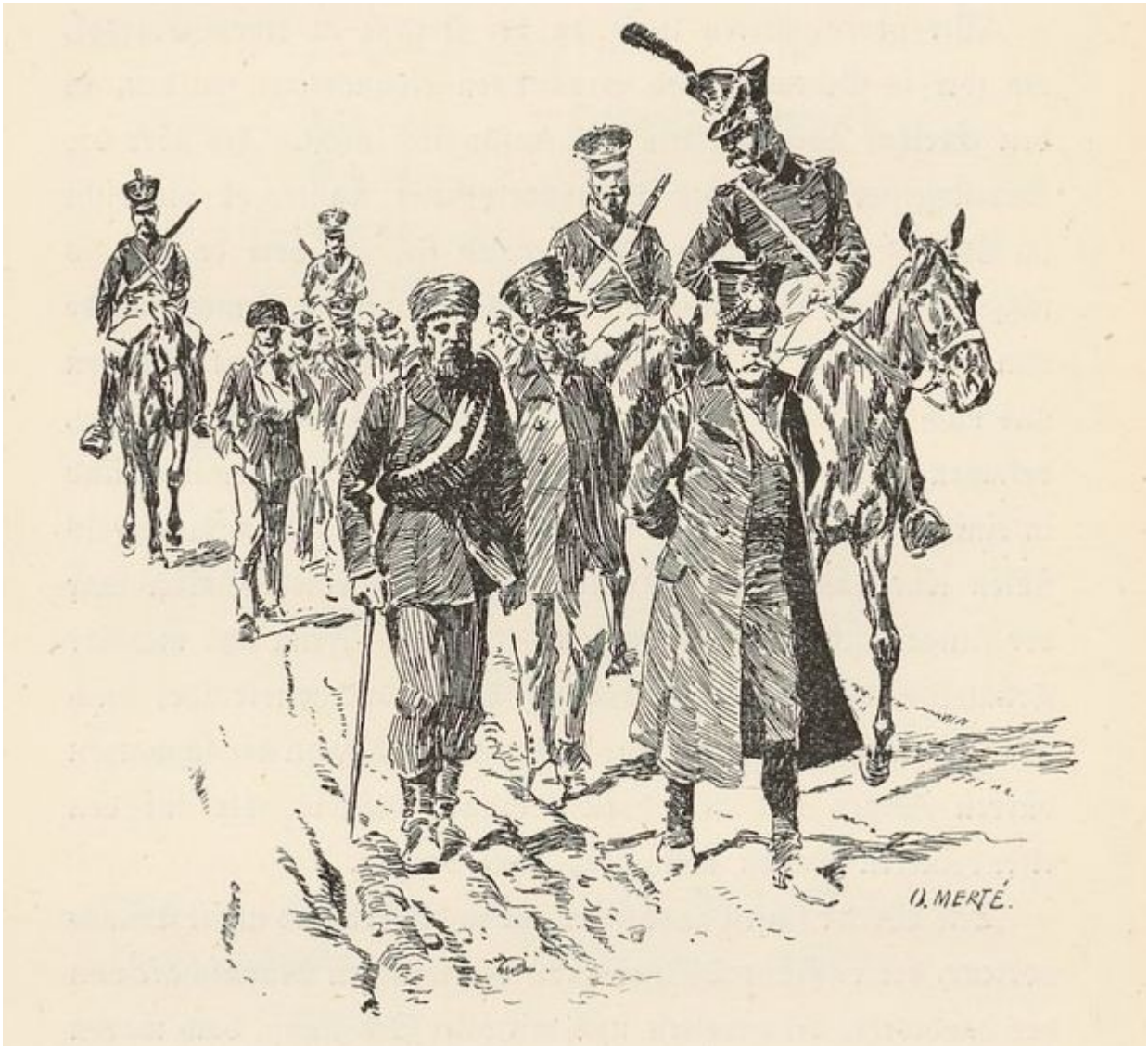

Хомченко С.Н.

Оренбургская губерния в мемуарах пленных военнослужащих Великой армии Наполеона

Первая публикация: Уральский исторический вестник. № 1 (34). 2012. С. 54-63.

Хомченко Сергей Назарович, Государственный Бородинский военно-исторический музей-заповедник, старший научный сотрудник, кандидат исторических наук. sergey_1812@mail.ru

Оренбургская губерния в мемуарах пленных военнослужащих Великой армии Наполеона.

Пленные военнослужащие Великой армии Наполеона определенный срок наблюдали повседневную жизнь различных слоев российского провинциального общества. Оренбургскую губернию в 1812-1814 гг. увидели пять военнопленных, описавших впоследствии административное устройство, экономические особенности, пестрый национальный и социальный состав жителей губернии, их образ жизни, занятия и взаимоотношения друг с другом и с пленными.

Тема военнопленных Великой армии Наполеона на Южном Урале в 1812-14 гг. в отечественной историографии впервые была поднята П.Л. Юдиным, в конце XIX в. опубликовавшим несколько работ, в которых было уделено внимание и пленным французам. Однако часть из них мала по объему и носит информативный характер, а большая статья, размещенная в «Русском архиве», содержит ряд неточностей. В советский период лишь в работе П.Е. Матвиевского, посвященной истории Оренбургского края в 1812 г., рассматривались отдельные эпизоды из жизни находившихся здесь пленников.¹

Мы в своих работах так же обратились к этому вопросу, разобрав и официальную документацию о военнопленных, и мемуарную литературу.² Воспоминания хоть и не являются полностью достоверным источником, но дают полезную информацию о жизни в российской провинции глазами иностранцев. Свои воспоминания по этой теме оставили унтер-лейтенант вестфальского 2-го гусарского полка С. Рюппель, капитан французского 2-го конно-егерского полка П. Ноказ, капитан французского 125-го линейного полка голландец К. Вагевир, сулейтенант французского 36-го линейного полка О. Белэ и солдат французского 9-го легкоконного полка ханноверец К. Циммерманн.³

Большое впечатление на мемуаристов произвели огромные степи, простиравшиеся за Волгой, и небольшие крепости, протянувшиеся цепочкой до Оренбурга. Крепость состояла из дюжины домов, населенных казаками, и была обнесена высоким земляным валом. На входе и выходе стояли часовые.

Оренбург, окруженный заснеженными крепостными стенами, из-за которых выглядывали зеленые купола церквей, смотрелся очень живописно. Внутри Рюппель отметил идеальный порядок, напоминавший о немецком гарнизонном городе, а с высокого берега Урала открывался прекрасный вид.

Мензелинск был маленьким городком, расположенным на холме, у подножия которого протекала речка Мензелинка. Мельница с водяным двигателем обеспечивала мукой жителей города и окрестностей и являлась основой городской экономики. Здания были деревянными, среди них выделялась каменная церковь. Городом управлял городничий (Gornitschik), под его командой состояло тридцать-сорок инвалидов, вооруженных пиками. Отдельно за порядком наблюдала полиция.

Бирск, совершенно засыпанный снегом, сначала произвел на пленных нерадужное впечатление. По словам Белэ, это маленький, захудалый городок, ставший уездным только потому, что на 60 лье в округе нет ни одного более значительного поселения. Здесь стоял гарнизон, во главе с начальником с многочисленным штабом, а также штат чиновников-канцеляристов.⁴

Рюппель с товарищами в Оренбурге был размещен в приличной казарме. Пленных снабдили войлоком, теплыми покрывалами и горячей едой, состоявшей из капустного супа, жареной рыбы и гречневой каши. Позже часть пленных была переведена в уездный Бузулук, где Рюппель с двумя офицерами был поселен в избушке, большую часть которой занимала печь. Спали на ней и на узкой лавке у стены. Домашняя утварь состояла из нескольких железных горшков, пары деревянных тарелок, ведра и топора. Втроем они поделили между собой обязанности. Польский подпоручик Пулевский, хорошо говоривший по-русски, взял на себя закупку продовольствия и готовку пищи, вестфальский унтер-лейтенант Шнупхазе – поддержание огня и уборку в комнате, а Рюппель – колку дров и доставку из реки воды. Другие пленные также вели общие хозяйства.

Ноказ с четырьмя товарищами в деревне К... был размещен в отдельной комнате крестьянского дома, очень маленькой, но пригодной для жилья. Здесь пленные находили возможность достать себе качественное и дешевое продовольствие. Однако вскоре они были переведены в Кинель-Черкассы, а оттуда в Сарбай, где Ноказ с солдатом оказался в одном помещении с четырьмя крестьянами, кобылой, тремя телятами, десятью овцами и 28 другими мелкими домашними животными. При этом Ноказ отмечал, что ему еще повезло, так как некоторые оказались в доме со свиньями. Через несколько месяцев Ноказ был переведен в Бугуруслан, где жилищные условия были приемлемые. Здесь он вел общее хозяйство с семью офицерами, занимаясь закупкой продуктов, которые были крайне дешевы. Борьба со скукой помогали французские книги,

которые Ноказ брал читать у местных дворян. Длинные вечера скрашивал и красивый триктрак, который сделал ему солдат, столяр-краснодеревщик.

Вагевир поселился в комнате двумя другими голландскими офицерами. Все они были старыми солдатами, поэтому им не нужно было многого. Шестеро голландцев вели совместное хозяйство. Получаемого офицерского жалования (50 коп. в день) хватало, чтобы жить хорошо. По средам в городе действовал рынок (bazar), куда окрестные жители свозили различные продукты, рыбу, дичь. Все стоило очень дешево. Например, за 25 ободранных зайцев просили 4 копейки. Правда нужно учесть, что местное население не употребляло их в пищу, считая родней кошкам, а использовало только шкурки.

Белэ сдружился со своим однополчанином, хирургом Брюггеманом. В Бирске их поселили в доме сборщика налогов, который оказал постояльцам радушный прием. Благодаря профессии Брюггеман пользовался огромной популярностью, поэтому ему часто делали небольшие подарки, и офицерский стол становился лучше и разнообразнее, а некоторые из подарков служили украшением комнаты.

Питались офицеры группами по пять-шесть человек. Приготовлением еды занимались также пленные солдаты. Группу Белэ обслуживал настоящий шеф-повар, обладавший способностями и желанием готовить. Мясо было отличного качества, рыба отменная. Дичь водилась в изобилии и крестьяне продавали ее за бесценок. Каждый офицер по очереди делал покупки на рынке. Мука была такой же белой и превосходной, как во Франции. Один солдат, в прошлом подмастерье булочника, пек хлеб. Напитки заменяла вкусная вода, которая текла прямо с уральских ледников. Материальные условия жизни пленных были таковы, что о большем они и не могли мечтать. Французы постепенно стали понимать русский язык, а потом и немного говорить на нем.

Циммерманн, как и другие простые солдаты в Бузулуке, жил с хозяевами в крестьянской избе, где, влачил жалкое существование. Худшее неудобство составляли ужасный дым, заполнявший жилище при растопке печи, и угарный чад. Пленным не разрешалось подниматься в верхнюю часть комнаты, им отвели угол на крайних лавках у пола. Помещение кишело всякого рода насекомыми, множество тараканов днем и ночью бегали по скатерти и стенам, и будили спящих. От властей Циммерманн получил пару ботинок, рубашку, штаны и сюртук. Регулярное снабжение заключалось в солдатском провианте и денежном содержании в размере 5 коп. в день. Радовала дешевизна продуктов. Фунт лучшей говядины стоил 12-16 пфеннигов (7,5-10 коп.), фунт хлеба – 8 пфеннигов (5 коп.). Капуста и огурцы, выращиваемые повсеместно, стоили копейки.⁵

Мало-помалу между пленными и местными жителями установились благоприятные отношения. Особенно это касалось пленных офицеров и русских дворян. Сближение произошло тем более легко, что большинство русской знати хорошо говорило по-французски и испытывало огромный интерес к европейцам.

В Оренбурге Рюппеля и других пленных офицеров часто навещали русские офицеры, один из которых по имени Раймунд Адамович пригласил Рюппеля к себе на квартиру, где вкусно угостил. Вечером Раймунд проводил пленника до казармы, где комендант как раз потчевал его товарищей по несчастью. На утро новый друг показал Рюппелю город и даже провел на бастион. Это приятное знакомство просто осчастливило пленника.

В Бузулуке Рюппель с несколькими товарищами был приглашен в загородное поместье Покровское, принадлежащее дворянину Василию Ивановичу Племянникову (v. Plemjannikov). Туда они выехали на несколько дней с разрешения городничего. Вечером собралась гости из соседних поместий. Многие свободно говорили по-французски. Одной из тем разговоров стали победы русской армии, что ухудшило настроение пленных. Заметив это, хозяин запретил говорить о политике. Вскоре гостей пригласили за богато накрытый стол. Особо Рюппелю понравилась ботвинья – холодный рыбный суп с огурцами и капустой, стерлядь и цимлянское вино. Вечером, при свете свечей, старшие дамы и господа отправились к карточным столикам, а пленные пошли танцевать с девушками. Оркестр состоял из флейты и двух скрипок, на которых играли крепостные. После чая снова танцевали, и только в пол-второго ночи все разошлись. Следующий день так же прошел в веселье и развлечениях, а вечером господин Племянников пригласил

Рюппеля в кабинет и сообщил о намерении дать ему приют в своем доме, что было воспринято с благодарностью.

Рюппелю предоставили комнату, достаточно белья и одежды, выделили мальчика-слугу. Вскоре Рюппель слег от лихорадки и только искусство бузулукского доктора Якоба Штобойса (v. Stobaeus), пруссака по происхождению, спасло ему жизнь. Навещать больного приходили многие молодые дамы, а госпожа Племянникова просиживала у его постели целыми днями. Через несколько недель Рюппель встал на ноги. Когда позволила погода, хозяева начали устраивать своему подопечному конные прогулки и охоту. Ближе к лету в Покровское стали приезжать гости, в числе которых Рюппелю посчастливилось познакомиться с Н. Карамзиным, известным историком и беллетристом.

По приглашению помещика Ивана Гавриловича Жданова (Stannow), Рюппель совершил двухнедельную поездку в поместье в окрестностях Бугульмы. Там хозяин устраивал прогулки, охоту на озере, а по вечерам девять молодых служанок развлекали гостя, играя на балалайках и танцуя в народных костюмах, что приводило молодого человека в восторг.

Следующую поездку со своим покровителем Рюппель совершил в имение Степное, близ Уральска. Там они занимались охотой и рыболовством, а так же совершили поездку в стоящий неподалеку киргизский табор, где поменяли водку на кумыс и наблюдали скачки киргизов на лошадях и стрельбу из лука на скаку по воткнутой в землю пике.

В Бугуруслане Ноказ сблизился с помещиком Т., они часто обедали вместе. Т. разрешил Ноказу пользоваться своей обширной библиотекой. О местном городничем мемуарист сообщил, что тот всегда был к ним справедлив и требовал того же у окружающих. Капитан-исправник так же был с ними очень любезен. Он предлагал пленным офицерам поселиться в дворянских усадьбах, где бы их гостеприимно встретили, но французы отказались, предпочитая жить скромно, но вместе.

Однажды на улице какой-то господин пригласил Вагевира в дом своих друзей, где он был очень хорошо встречен. За чаем голландца расспросили о чем только можно. Беседа велась на немецком языке. Новый приятель оказался помещиком Степаном Никитовичем Майоровым (Majarof), отставным майором, проживавшим в имении в восемнадцати верстах от Мензелинска. Вагевир выразил желание побывать там и тут же получил приглашение. Городничий согласился отпустить пленного офицера под расписку, что он не попытается сбежать. Находившийся в тысяче четырехстах часах пути до Амстердама, тот легко согласился на это условие. Утром повозка, запряженная тройкой лошадей, отвезла мемуариста в поместье. Степан Никитович встретил его на пороге дома и познакомил с семьей – женой и тремя маленькими дочерьми. После обеда хозяин приказал крепостному Якову показать гостю его комнату, а так же сказал, что слуга поступает в его распоряжение.

На следующее утро Вагевир был приглашен к завтраку. Слуги внесли чай и кофе, а хлеб с маслом, сыром и другими закусками находились на небольшом столике у стены, откуда каждый мог брать, что хотел. Голландец так же выкурил трубку хорошего турецкого табака. После завтрака Степан Никитович показал свое имение с многочисленными постройками и службами. После обеда и дневного сна приятели отправились на конную прогулку по окрестностям, а вечером играли в карты.

Последующие дни также проходили в прогулках и развлечениях. Они посетили отца хозяина, почтенного семидесятилетнего полковника, жившего в своем имении в шестнадцати верстах. Так как Вагевир стал знаком уже многим окрестным помещикам, его стали называть на русский манер Карлом Ивановичем. Местное общество любило охоту, и Вагевир стал частым участником псовых охот на зайцев, а так же на куропаток, гусей и уток.

Решив навестить товарищей, голландец совершил поездку в Мензелинск. Степан Никитович дал ему повозку, нагруженную мукой, рыбой, свининой, дичью и другими продуктами и попросил вручить все пленным товарищам. Вагевир провел с земляками четыре дня.

Используя голландский опыт, Вагевир дал Степану Никитовичу несколько хозяйственно-бытовых советов, которые тот с благодарностью применил у себя в поместье. Местные помещики тоже стали перенимать этот опыт.

В мае 1814 мемуарист со своим хозяином посетили татарскую ярмарку, проходившую в 25 верстах в открытом поле. На голландца большое впечатление произвели одежда и украшения женщин, конные состязания мужчин. В свою очередь татары, признав в нем чужеземца, окружили его и через Майорова стали задавать различные вопросы о его родине. Эта беседа очень позабавила Вагевира и Степана Никитовича.

15 мая голландец вновь поехал на несколько дней навестить своих товарищей. Яков привез следом подарки – мясо, рыбу, вино и большой торт, ужасно пострадавший при перевозке. Первый тост подняли «за здоровье бравого Степана Никитовича и его доброй домохозяйки». Обсуждали последние новости – приближение русских войск к Парижу. Это означало скорое получение Голландией независимости и возвращение домой.

Белэ и хирург Брюггеман в Бирске были желанными гостями во многих домах. Свободное время офицеры проводили в кабачке, куда приходили и многие горожане. Некоторые жители Бирска получали газеты, из которых пленные узнавали новости о Франции.

Брюггеман вылечил сына губернатора, для чего был вызван в Уфу. Позже, когда у офицеров появилась возможность вернуться домой раньше основной группы пленных, Белэ и Брюггеман предприняли поездку в Уфу, чтобы получить у губернатора положенные им, как они по ошибке считали, 100 руб. на обратную дорогу. Уфа, в описании мемуариста, – довольно большой город, построенный в виде амфитеатра на холмах, которые возвышаются над Белой, которая здесь уже не просто речка, а величественная река. Большая часть домов построена из дерева, почти в каждом есть сад, но расположены они беспорядочно, без особой заботы о прямоте улиц. В ожидании отлучившегося губернатора, французы месяц жили в его дворце, где их окружила заботой его супруга. Вернувшийся губернатор вручил им подорожную и по 50 руб., что испортило их впечатление о нем. Ситуацию сгладил уфимский полицмейстер Караулов, которого Брюггеман вылечил от мучившего его недуга. Во время пребывания Белэ и Брюггемана в Уфе он несколько раз приглашал их на охоту, а однажды устроил праздничный ужин, ставший началом бесконечной вереницы приглашений со стороны других дворян, которые оспаривали между собой право оказать им прием. При отъезде французов Караулов в благодарность обеспечил их каретой, набитой припасами, которых хватило на обратный путь.

Положение пленных солдат заметно отличалось от положения офицеров. Когда Циммерманн достиг одной из деревень Бузулукского уезда, он был серьезно болен, как и многие его товарищи. Их разместили по крестьянским домам, и некоторые хозяева постарались от них избавиться. Ночью они, якобы, выносили больных и беспомощных на улицу, где те замерзали насмерть. Утром властям сообщали о смерти пленного, а выяснением ее причин никто не занимался. Циммерманну повезло с хозяйкой, которая ухаживала за ним, освежая глотком воды или молока. Однажды в комнату вошел хорошо одетый господин, заговоривший по-немецки. Он оказался доктором, урожденным пруссаком Штобойсом. Доктор осмотрел Циммерманна и пообещал прислать лекарства. Каждый день с докторской кухни Циммерманну приносили еду. Это продолжалось десять недель. На Пасху ханноверец смог проделать путь до дома Штобойса, чтобы выразить ему свою благодарность. В дальнейшем он не раз бывал здесь и две его дочери охотно танцевали под флейту, на которой играл Циммерманн.

Дворяне своим обращением с пленными солдатами подавали хороший пример простолюдинам. Они договорились между собой поочередно принимать как гостей в своих имениях некоторых солдат. Циммерманну дважды воспользовался таким приглашением, чему он был обязан рекомендации доктора Штобойса, знанию французского и игре на флейте и гитаре. Штобойс ввел его в семью помещика Жданова. Циммерманн со своей флейтой и гитарой был желанным гостем в их доме и получал от дам знаки их благодетельного участия.

Обычно же солдатам приходилось разделять образ жизни русских крепостных. Но и здесь Циммерманн нашел способ улучшить свое положение и вызвать уважение крестьян. Достаточно было соблюдать некоторые религиозные обряды, например креститься на иконы и перед приемом пищи. Это было средством показать, что он не язычник и верит в Бога, в чем крестьяне сомневались по поводу большинства других пленных. После этого его не обижали и не издевались, не отказывали в чашке для питья или в ложке, что часто случалось с пленными, а если

же им давали эти предметы, их помечали и сами больше не использовали. Ханноверец смог войти в лучшие отношения со своими хозяевами и потому, что приложил старания для изучения русского языка и вскоре мог с ними свободно объясняться. В некоторых ситуациях он служил в качестве переводчика. Так Циммерманн заработал определенный авторитет, позволявший ему самому разговаривать в угрожающем тоне и не встречать возражений.⁶

Занятия пленных, в зависимости от ситуации, были способом либо улучшить материальное положение, либо скрасить время плена. В Бугуруслане один французский солдат купил игральные карты и, представляясь пророком, выманивал у доверчивых крестьян деньги. Например, однажды он унес сушившееся белье и спрятал его в стоге сена. Когда же крестьянин пришел к нему, «пророк» за соответствующую плату «предсказал», где найдется пропажа. В другой раз он попробовал себя в роли врача, когда к нему пришли по поводу больного. Француз сначала отказывался от лечения, но когда ему предложили крупное вознаграждение, не удержался и дал порошок из сушеных трав. На удивление больной выздоровел, но в дальнейшем солдат не рисковал и занимался только картами. Услугами «пророка» пользовались и благородные дамы, желающие узнать новости о русской армии.

Некоторые пленные наладили производство соломенных шляпок, успешно сбывавшихся местным модницам, другие делали кубики для игры в кости. Циммерманн научился плести кольца из конского волоса. Волос сначала красили в кипятке, куда клали куски воротников и обшивки с военной формы, в зеленый, желтый и красный цвета. Потом он искусно сплетался в кольца с именами или девизами, которые продавались или дарились.

В Бирске один шустрый парижанин открыл кабачок под названием «Парижское кафе», который посещали не только пленные, но и местные жители. Здесь подавали чай, кофе, плохое пиво и ржаную или картофельную водку, была там и оборудованная курительная комната.

Иногда пленные нанимали у крестьян повозки и ехали кататься по окрестностям Бирска. Особенно любили гулять на берегу Белой. Офицер Роллан, окончивший Политехническую школу, предложил товарищам делиться знаниями. Из почти шестидесяти офицеров четырнадцать согласились и скоро, под критику и насмешки менее трудолюбивых товарищей, начались занятия в кружке, шутивно названном Ученым советом. Роллан преподавал математику и арифметику, позже – алгебру и геометрию, причем объяснял все так ясно, что многим было понятно с первого раза. Одновременно Роллан вел курс литературы. Доктор Брюггеман сделал обзор естествознания, ботаники, физики, анатомии и медицины. Капитан Валлен заставил вспомнить историю Франции, а шеф батальона Ландвуазен великолепно обрисовал картину правления Наполеона, подробно разобрав Русскую кампанию. Зимой занятия Ученого совета проходили в «Парижском кафе», весной часто переносились за город, на природу. Многие слушатели получили большое удовольствие от такого образования. Постепенно Ученый совет расширялся.⁷

Пленные мемуаристы оставили описание множества деталей жизни и быта населения Южного Урала. На некоторых из них хотелось бы остановиться.

Вот, например, каким Ноказ увидел местное население (здесь и далее цитируется с сокращениями):

«У тех [русских], кто воспитан в столицах, есть знания и манеры, другие крайне невежественны, но скорее из-за отсутствия хороших учителей и дефекта образования, так как у русских естественный разум, но мало средств заставлять учиться молодых людей. Когда их выучат французскому языку и игре на гитаре, это считается законченным образованием.

Русские женщины используют ежедневно паровые ванны, но они часто пренебрегают этим и очень нечистоплотны; их дома плохо прибраны.

Слуги обычно одеты в обноски, но во время торжеств все изменяется; мужчины и женщины одеваются в красивые элегантные одежды, слуги также получают разрешение красиво одеться. Но это длится только несколько часов, после чего все возвращаются к обычной нечистоплотности.

Русские дворяне играют со страстью в азартные игры; они проигрывают часто все их состояние. В отсутствие наличных денег нередко можно видеть, как они разыгрывают на картах десять, двадцать или сто крестьян. Часто двадцать несчастных семей в течение ночи разгула находятся в десяти различных руках, когда слепое везение непостоянно.

Все русские крестьяне - рабы помещиков или государства. Они обрабатывают земли помещика под командованием управляющего. Два дня в неделю они обрабатывают предоставленные им земли, но не тогда, когда хозяин этого не хочет. Например, при сборе урожая каждый хороший день используется, чтобы собирать зерно хозяина, а если начинаются дожди, то эти дни достаются крестьянам, так что эти несчастные заканчивают свой сбор в дождь или снег. Зимой крестьяне возят дрова и работают в поместье; они счастливы, если находят время запастись лесом и отремонтировать средства сельского хозяйства для себя! Если крестьяне трудолюбивы и искусны, они разводят домашнюю птицу и овец и живут действительно зажиточно; но если отчаяние захватывает этих несчастных людей, тогда они предаются пьянству и абсолютно бедны.

Государственные крестьяне - тоже рабы, но они не могут быть проданы. Их судьба менее жалка; они управляются капитаном-исправником (capitaine Ispronig), который полностью контролирует судебную администрацию государственных деревень. Нужно, чтобы они выкупили денежными подарками свое спокойствие, но эта жертва делает их налог очень легким в мирное время и смягченным во время войны.

Здесь большое разнообразие наций. Наиболее значительны татары (Tartars). Они разделены на три класса: живущие в городах и занимающиеся торговлей; живущие в больших и красивых деревнях, занимающиеся сельским хозяйством; и кочевые татары или башкиры (Basquirs), которые заняты только разведением скота и весь год живущие на биваках.

У деревенских татар глава поселения – мулла (Molla) (священник). Все татары следуют религии Магомета, платят налоги, предоставляют новобранцев. Татары живут в красивых деревнях, в удобных домах. Они красивые люди и хорошо одеты; их женщины имеют азиатскую внешность, что привлекало мой взгляд. Я нахожу, что одежда им очень идет. Татары могут взять четырех жен по закону, а так же сколько они смогут прокормить для своих сомнительных удовольствий. У богачей у каждой законной жены отдельный дом, и муж устанавливает порядок, чтобы у каждой было свое время. У простых все законные жены находятся в гареме. У мужа отдельная комната и туда фаворитка приходит проводить ночь.

Татары, хоть и богаче других народов, живут намного проще и едят пищу, которую кипятят в бараньем бульоне. В праздничные дни они едят конину, которую считают деликатесом. Их обычный напиток - смесь коровьего и кобыльего молока, разведенная пополам с водой.

Другая часть татар, которых я бы назвал добряками - башкиры. Это кочевники и военные. Они разделены на девять кантонов (cantons) и составляют население в сто тысяч человек. Они живут в уральских степях к северу от Оренбурга и по берегам реки Урал. Каждым кантоном управляет хан (Kan); они не платят налогов, но формируют конные полки, которые используются на русской службе, но обычно они следят за киргизами (Kirgis), главными врагами татар.

Казачи - люди, ставшие знаменитыми за последние несколько лет. Они свободны. У казаков, которые живут на берегах реки Урал, есть привилегия – рыбная ловля на этой реке и большие владения на ее берегах. Они предоставляют полки и служат от Оренбурга до Каспийского моря. Эти полки снаряжаются за свой счет. Столица их – Уральск. Большая часть казаков живет в деревнях, рассеянных по берегам реки. Их земли разделены на военные округа, управляемые офицерами, каждый имеет в качестве главы атамана (Ataman).

Чуваши (Thouvaches) – свободный народ, они платят налоги и предоставляют новобранцев. Они верят в Бога, но у них нет письменных законов; их вынуждают креститься, но это единственный акт христианства, который они совершают.

Мордва (Mordois) очень распространена в этой части России; у них греческая вера, но другой конфессии, чем у русских. У мордвы и чувашей приблизительно одинаковая одежда, но первые более элегантны. Они живут в примечательных домах с каминами.

Имеется еще нация, названная черемисы (Therenis), но она так сильно походит на чувашей, что легко их перепутать. Они отличаются только тем, что первые испытывают отвращение к собакам, а вторые, напротив, о них судят очень хорошо».⁸

А такими увидел татар Вагевир:

«Татары держат много наложниц, некоторые от четырех до шести. Головной убор девушек в этой стране состоит из шелковой ткани различных цветов, с золотым или серебряным орнаментом,

в косы вплетены шнурки с подвешенными монетами, которые стучат друг об друга, издавая необычный звук. Другие надевают на голову длинную накидку, которая застегивается под подбородком и спускается вниз до пят.

Наблюдая различные азиатские игры, которыми развлекались татары, я был свидетелем скачек с теми же правилами, как в наших местах, но с тем исключением, что татары сидят на неоседланной лошади, управляя уздой. Я никогда не видел такой искусной езды. Приз состоит в шелковой ткани или шапке».⁹

Циммерманн оставил следующие сведения о крестьянах:

«Русские крепостные владели жалкую жизнь. Их стол состоял из щей с кислой капустой и соленых огурцов с хлебом. Единственным добавлением были большие рыбины, которых там ловили в изобилии. Крестьяне рабски преклоняются перед благородными людьми и готовы стигаться до земли перед любым хорошо одетым человеком. Государственные крестьяне меньше подвержены произволу, они более стойки, лучше и чище живут в управляемых государством деревнях.

В выборе жилья они тоже были ограничены; каменных домов нигде не видно, только срубовые одноэтажные избы с дощатой крышей. Вход обычно делался таким низким, что войти можно только согнувшись. Окнами служили маленькие квадратные отверстия в фут шириной, стекло заменял лошадиный пузырь. В сильные морозы это отверстие, которое служило также единственным выходом для дыма и пара, закрывалось ставнями. Жилое помещение такого дома являлось и спальней, и кухней, а зимой и хлевом. Большую часть помещения занимала огромная печь, сделанная из глины, в которой варили и пекли еду. С утра она так раскалялась, что потом в течение всего дня согревала дом. На печи и на полатах, вровень с ней укрепленных на стенах, спала вся семья, стар и млад, все вперемешку. На полати они клали кусок войлока и укрывались тулупами, в которых ходили днем. Остальное домашнее убранство было таким же простым. Лавки из грубого необструганного дерева у стен и вокруг печи. Внизу загон для кур, овец и поросят, задвигавшийся дверцами. Середину комнаты занимал грубый стол. В комнате содержались даже телята, а зимой здесь каждое утро доили коров, так как снаружи молоко могло замерзнуть.

Единственное радостное явление в таком жилье – их иконы. Во всех домах на стене в углу напротив печи прикреплен шкафчик с полками, на которых расставлены эти картины, часто в богатых золотых окладах. Перед ними горит маленькая свечка. Каждый входящий сначала поворачивается к этим иконам и крестится перед ними с многими поклонами. После этого он приветствует присутствующих и получает ответные приветствия. Эта процедура также происходит перед каждым приемом пищи.

В высшей степени простой и стабильный образ жизни крестьян мог быть причиной того, что они были очень здоровыми, этому помогал и обычай посещать любимую им парную баню. Даже в самых бедных дворах были предназначенные для нее постройки. Каждую субботу все ходили в баню, и при любом недомогании обращались к ней же. Для поддержания чистоты я также часто посещал ее. Я даже начал получать в отдыхе там особое удовольствие, но все-таки ни разу не отважился, как это делали русские, броситься из кипящего жара парной в ледяной снег».¹⁰

А вот описание Ноказом рыбной ловли на Урале:

«Казак очень богат, они обязаны своим состоянием реке и продаже рыбы. Устье Урала находится у Каспийского моря; при приближении зимы рыба возвращается в эту реку, чтобы избежать морских бурь. Рыба, иногда в количестве, превосходящем всякое воображение, поднимается по Уралу и останавливается там, где находит достаточно пищи. Казаки замечают это место и ожидают, когда река замерзнет. Атаман приказывает перекрыть реку на уровне косяка рыбы двумя рядами сетей, которые протягивают по всей ширине реки. Эта операция производится посредством вырубания проруби в два шага шириной, туда вводят сеть, и когда наступает 1 января, ловля начинается в присутствии оренбургского губернатора и атамана. Представьте себе тридцать тысяч казаков, каждого на саних, расположенных по берегам реки, вооруженных трезубцем или топором. Каждые сани запрягают сильной, очень быстрой лошадей. Пушечный выстрел по приказу губернатора – сигнал открытия ловли. Тогда все казаки устремляются к цели. Эта скачка занимает несколько верст, и казаки, чтобы прибыть первыми к цели, нуждаются, не

менее чем в превосходстве лошадей, в собственной отваге: эта скачка действительно опасна, так как сани опрокидываются; неосторожно упавший должен надеяться на то, что его не переедут сани, следующие за ним.

Как только казаки прибывают к месту, где задержан косяк рыбы, они спешат сделать топорами дыру во льду, затем они втыкают туда трезубец и гарпунят рыб, оказавшихся снизу. Представьте, насколько велико количество рыбы, если после каждого удара рыболов находит хотя бы одну на конце трезубца. Наибольшая трудность, которую испытывает рыбак, в том, чтобы вытащить рыбу; часто нужно просить помощи товарищей, так как пойманная рыбина весит иногда сто пятьдесят или двести фунтов.

Спектакль этой ловли великолепен, берега реки любопытны не менее. Купцы, прибывающие со всех концов империи для покупки рыбы, собираются у места ловли с большим количеством саней, нагруженных солью; каждый вечер казаки продают свою добычу и получают деньги. Купцы отправляют замороженную рыбу в Москву, Казань и другие места, так же как и осетровую икру. Река Урал изобилует рыбой всякого рода. Осетры, стерляди, сомы, лососи и щуки достигают там огромных размеров. Лучшие из этих рыб продаются на берегах Урала не дороже 10 копеек.

Губернатор в день открытия ловли заставляет отбирать рыбу, которую казаки отправят императору. Эта рыба отправляется дальше, в Санкт-Петербург, куда прибывает замороженной».

Ну и несколько слов Ноказа о сельском хозяйстве:

«Сельское хозяйство – важный государственный ресурс и главное из занятий с появления русских на левом берегу Волги. Огромные просторы позволяют обрабатывать каждый год новые земли. Крестьяне вынуждены работать за несколько лье от деревень, что заставляет их терять много времени; чтобы уменьшить неудобства, они располагаются на время работ в полях, возвращаясь в свои деревни по воскресеньям.

Как только начинается сезон, сотник осматривает земли, которые хочет распахать. После этого поджигают траву, которой обычно много; пепел - единственное удобрение, которое получает эта земля. Как только огонь расчистил то, что покрывало землю, плугом делают борозды глубиной три дюйма; в августе ее обрабатывают второй раз и сеют рожь. Эта земля, едва обработанная, дает великолепные сборы. Рожь, которую поставляют купцам для производства водки, дает главный доход помещикам.

Кроме капусты и огурцов, крестьяне на левом берегу Волги не выращивают овощей; у них нет никакого садоводства. Крепостные выращивают коноплю и делают из нее довольно красивые ткани, которые затем белят. Эти ткани, хоть и очень скромные по цене, долго служат этим несчастным людям, так как они зарабатывают всего несколько рублей, которыми оплачивают подушную подать.

Некоторые образованные помещики и трудолюбивые крестьяне занимаются разведением пчел; они имеют успех и значительную прибыль. Воск и мед продаются хорошо и по хорошей цене.

Бараны довольно хороши, но их шерсть очень груба. На левом берегу Волги существует много суконных фабрик. Шерсть очень востребована там; несмотря на это, не прикладывается никаких усилий, чтобы улучшить породу.

Почва здесь в целом богата; огромные леса и большие реки дают жителям огромные отопительные ресурсы, дичь и рыбу. Этой просторной стране недостает лишь рук и упорства, чтобы стать превосходной. Ни в каком месте мира люди не могут легче найти все необходимое для жизни».¹¹

В 1813 г. началось освобождение из плена военнослужащих стран, ставших союзниками. Первым из покинувших Оренбургскую губернию стал Рюппель. В июле 1813 он выехал из Бузулука в сопровождении казака. Радость омрачалась расставанием с добрыми Племянниковыми, что стоило многих слез с обеих сторон. Благотетели подарили своему гостю кибитку с необходимыми походными принадлежностями, теплыми мехами и одеждой.

Весной 1814 получил свободу Циммерманн. Он покидал Бузулук, растроганный расставанием с людьми, которые смягчили его пребывание в неволе. Пленные немцы из Бузулука и окрестностей в сопровождении двух русских офицеров отправились в Бугуруслан. Каждый был снабжен шинелью, двумя парами рубашек и парой ботинок, в которых многие нуждались.

Циммерманн получил назначение квартирмейстера и ехал с русским унтер-офицером перед транспортом, обеспечивая дома для ночлега. В июне они добрались до Бугульмы, где остались на некоторое время. В одну из ночей в городе начался сильный пожар и пленные приняли участие в его тушении, разобрав несколько домов и не дав огню распространиться дальше. Во время их отъезда жители провожали пленных благодарными возгласами и добрыми пожеланиями.

Французы были освобождены лишь летом. 3/15 июля за свой счет на родину из Мензелинска выехали 6 голландских и 2 французских офицера в сопровождении русского унтер-офицера. Накануне отъезда Вагевир поехал в имение Майорова, чтобы попрощаться и передать слова благодарности. Госпожа Майорова с дочерьми со слезами распрощались с гостем, а Степан Никитович еще восемь верст сопровождал отъезжающих верхом до переправы через реку Ик.

24 июля/5 августа Бирск с 55 офицерами и 30 рядовыми покинул Белэ. После прибытия в Бугульму и последовавшей там остановки Белэ и Брюггеман решили ехать в Уфу, надеясь на помощь губернатора. В итоге на родину они отправились лишь 2/14 сентября, но так как ехали на почтовых лошадях, Риги достигли за 42 дня.

4/16 октября в путь отправилась и партия Ноказа из 9 офицеров и 200 солдат. В д. Кичуевской Бугульминского уезда с ними произошло трагикомическое событие. Прибывшие французы встретили здесь своих товарищей, и солдаты решили отметить встречу. Они запаслись большим количеством продовольствия и водки. Праздник начался с еды и выпивки и закончился радостным пением и выкриками. В этот же день местные жители отмечали престольный праздник деревенской церкви. Русские так же пили и пели во все горло. Некоторые из них посчитали плохим, что пленные выбрали тот же день, чтобы петь свои, как им показалось, насмешливые песни, в чем крестьяне увидели пародию на свое поведение. Водка с той и с другой стороны воодушевила головы, и русские напали. Они стали бросать камни на скамьи, которые служили праздничным столом французам. Те ответили другими камнями, брошенными не менее точно. Сошлись в рукопашную, и крестьяне были вынуждены бежать из деревни. Сотник кантона и французские офицеры сумели примирить победителей и побежденных, восстановить мир и обеспечить крестьянам возвращение по домам.¹²

Оренбургская губерния стала для указанных мемуаристов символом России, воспоминаниями о которой они поделились со своими читателями. Плен предоставил иностранцам прекрасный шанс окупиться в повседневной жизни России и её жителей с головой. А закончить хотелось бы показательной шуткой Белэ: «Какое прекрасное и познавательное путешествие мы совершили за счет царя!».¹³

---

¹ Юдин П.Л. Французы-казаки // Оренбургские губернские ведомости. 1892. № 32; он же. Ссылные 1812 г. в Оренбургском крае // Русский архив. 1896. № 3. С. 24-33; Матвиевский П.Е. Оренбургский край в Отечественной войне 1812 г. Оренбург, 1962.

² Хомченко С.Н. Мемуары военнослужащих армии Наполеона, прошедших плен в Оренбургской губернии в 1812-1814 гг. // История Оренбургская: Наследие и современность. Т. 2. Оренбург. 2006. С. 325-336; он же. Военнопленные армии Наполеона в Оренбургской губернии // Отечественная война 1812 года. Источники. Памятники. Проблемы. Материалы XV Международной научной конференции. Можайск. 2009. С. 360-386.

Мы намеренно опускаем в данной статье сведения из официальной документации и приводим только субъективные воспоминания мемуаристов.

³ Rüppel E. Kriegsgefangen im Herzen Russland. Berlin. 1912; Voyage d'un officier francais, prisonnier en Russie, sur les frontieres de cet empire, du cote de l'Asie. Paris. 1817; Wagevier C.J. Aanteekeningen gehouden gedurende mijnen marsch naar, gevangenschap in en torugreize nit Russland in 1812, 1813, 1814. Amsterdam. 1820; Belay H. Mémoires d'un grenadier de la Grande Armée. Paris. 1907; Zimmermann Ch.C. Bis nach Sibirien. Hannover. 1863. Мемуары Ноказа были изданы анонимно. Об их атрибуции см.: Попов А.И., Хомченко С.Н. Установление авторства анонимных мемуаров // Эпоха 1812 года. Исследования. Источники. Историография. М., 2007. (Труды ГИМ. Вып. 166) С. 215-223.

⁴ Rüppel. Op. cit. S. 143; Wagevier. Op. cit. S. 117-118; Belay. Op. cit. P. 126-127, 130.

⁵ Rüppel. Op. cit. S. 144, 147-148; Noucase. Op. cit. P. 50-52, 105, 116, 123-126; Wagevier. Op. cit. S. 118-121; Belay. Op. cit. P. 130, 135-136; Zimmermann. Op. cit. S. 30-31.

⁶ Rüppel. Op. cit. S. 144-147, 149-168; Noucase. Op. cit. P. 154-155, 197; Wagevier. Op. cit. S. 126-150; Belay. Op. cit. P. 132, 135-136, 145; Belay. Op. cit. P. 157, 170-173; Zimmermann. Op. cit. S. 26-27, 29-30, 32.

⁷ Noucase. Op. cit. P. 159-163, 197; Belay. Op. cit. P. 139-143; Zimmermann. Op. cit. S. 33.

⁸ Noucase. Op. cit. P. 57-59, 118-121, 130-142.

⁹ Wagevier. Op. cit. S. 146-147.

¹⁰ Zimmermann. Op. cit. S. 30-32, 34.

¹¹ Noucase. Op. cit. P. 144-147, 180-183.

¹² Rüppel. Op. cit. S. 169-170; Zimmermann. Op. cit. S. 35-38; Wagevier. Op. cit. S. 153-155; Belay. Op. cit. P. 150, 155-156, 176; Naucase. Op. cit. P. 197-201.

¹³ Belay. Op. cit. P. 119.